

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ САТИРИКОВ I ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА
ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ В.Е. АРДОВА)**

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17958165>

Богданович Геннадий Александрович

и.о. доцента Андигжанского

государственного института иностранных языков

АННОТАЦИЯ: *В данной статье предпринята попытка проанализировать деривационную систему русского языка середины XX века на материале доселе в данном контексте не изучавшихся текстов известного юмориста В.Е. Ардова.*

ANNOTATION. *This article attempts to analyze the derivational system of the Russian language of the mid-twentieth century on the material of hitherto unexplored texts of the famous humorist V.E. Ardov in this context.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *деривация, окказионализм, суффиксация, сложение основ, продуктивность.*

KEYWORDS: *derivation, occasionalism, suffixation, addition of bases, productivity.*

Современное русское словообразование во многом опирается на способы, активно проявлявшиеся в XX веке. Эпоха, охватывающая XX век, оказала существенное влияние на структуру и динамику русского языка, включая активные изменения в области словообразования. Одним из ключевых аспектов, на которых следует сосредоточить внимание для более глубокого понимания современных деривационных процессов, является обращение к историческому контексту и анализ механизмов формирования новых слов, характерных для прошлого века. Это знание позволяет более четко воспринять не только теоретические основы современного

словообразования, но и выявить закономерности, которые сохраняются в языке сегодня. Для того чтобы более полно исследовать особенности словообразования в русском языке, мы выбрали книгу известного писателя-сатирика Виктора Ефимовича Ардова (1900–1976) «Цветочки, ягодки и пр.».

Виктор Ефимович Ардов (при рождении — Зигберман) представляет собой значимую фигуру в истории советской литературы, в особенности в жанре сатиры. Родился в 1900 году в городе Воронеж в семье инженера-железнодорожника Ефима Моисеевича Зигбермана, выпускника Харьковского технологического института, который, помимо профессиональной деятельности, занимал активную

позицию в общественной жизни, являясь членом хозяйственного правления Воронежской еврейской общины. По материнской линии происходил из семьи, связанной с торговлей и медициной: его дед владел аптекарским магазином, а дядя, Герасим Вольпян, в 1912 году открыл зубоврачебную лечебницу. После окончания Первой мужской гимназии в Москве в 1918 году Ардов недолгое время работал актёром и конферансье в московском кабаре «Нерыдай». В 1925 году завершил обучение на экономическом факультете Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Уже с начала 1920-х годов активно занимался литературно-художественным творчеством: в 1921 году начал публиковать карикатуры с авторскими текстами в журнале «Зрелища», позднее самостоятельно иллюстрировал собственные сатирические сборники. Ардов являлся постоянным автором ведущих советских сатирических изданий, таких как «Крокодил» и «Красный перец». В соавторстве с Л. В. Никулиным создал пьесы «Склока» и «Статья 114-я уголовного кодекса» (обе — 1926), «Таракановщина» (1929); совместно с В. З. Массом — комедию «Именинница», поставленную Московским театром сатиры в 1924 году. В 1937 году Ардов выступил как единоличный автор пьесы «Мелкие козыри». Кроме того, писал юмористические монологи для

популярных артистов эстрады, таких как В. Я. Хенкин, Р. В. Зелёная, А. И. Райкин, Б. Я. Петкер и другие. С 1927 года он возглавлял литературную часть Ленинградского театра сатиры. В годы Великой Отечественной войны добровольно вступил в ряды Красной армии, служил в качестве майора при редакции фронтовой газеты «Вперёд к победе!», за что был награждён орденом Красной Звезды. Литературное наследие Виктора Ардова насчитывает свыше сорока сборников, включающих рассказы, фельетоны, театральные скетчи, очерки. Им также были созданы киносценарии к фильмам «Светлый путь» (1940) и «Счастливый рейс» (1949). Значительный вклад внес Ардов и в развитие теории разговорного жанра, в частности на эстраде и в цирке. После смерти писателя была опубликована книга воспоминаний «Этюды к портретам» (1983), в которой Ардов делится личными впечатлениями о выдающихся представителях отечественной литературы и искусства: В. В. Маяковском, М. А. Булгакове, А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко, И. А. Ильфе, Е. П. Петрове, Ю. К. Олеше и др. В 2005 году эта книга была переиздана под названием «Великие и смешные». Особый интерес представляет и круг общения писателя, в который входили такие значимые фигуры российской культуры, как И. А. Бродский, А. И. Солженицын, Б. Л. Пастернак, М. И.

Цветаева, А. А. Тарковский, Ф. Г. Раневская и др. Знаковыми являются отношения Ардова с А. А. Ахматовой, которая на протяжении более трёх десятилетий останавливалась в его московском доме на Большой Ордынке. В память об этих встречах во дворе дома Ардовых установлен памятник поэтессе.

В этом произведении «Цветочки, ягодки и пр.» автор применяет богатый арсенал окказионализмов — слов, образованных с целью их авторского использования, что предоставляет уникальную возможность для анализа деривационных процессов. В ходе исследования мы рассмотрели 124 окказионализма, встречающихся в данном произведении, и выявили несколько способов их образования.

Суффиксация представляет собой один из наиболее продуктивных способов словообразования в языке. В произведении Виктора Ардова суффиксация используется для создания новых лексем, в которых отражается комический или ироничный контекст. Среди множества окказионализмов, образованных с помощью суффиксов, можно выделить следующие примеры: актик («...вы нам — актик о приемке, а мы вам — обязательство все недоделочки закончить...»), недоперекрытие («— Что же тут принимать?! У вас даже междуэтажные перекрытия толком не готовы...— А я вас не тороплю. Не хотите жить с такими

недоперекрытиями, — не принимайте»), недоделочки («...вы нам — актик о приемке, а мы вам — обязательство все недоделочки закончить...»), пропадаемость («Пропадаемость белья в предбанниках составляла ноль запятая шесть кальсоно-носок на человека»), номерья («...ну, программа, или, как там говорится, номерья ...»), балчонки («...А тут — какие-то дранки, штукатурка, балчонки какие-то...»), материалишко («...Правда, скажу откровенно: в этом году наши стройорганизации пытались всучить нам кое-какие материалишки, лимиты и так далее...»), рухать (несов.в. от рухнуть, «...Наша точка зрения — глубоко принципиальная: рухать так рухать!»), желаемость («...Ренессанс мы прежде всего определяем как желаемость буржуазии к усвояемости наиболее ценных сокровищ античной эпохи...»), процентовка («...У меня вопрос к докладчику. Можно? Товарищ Щелоков, скажите: как у вас дело с процентовкой выполнения...»), обстригаемость («Товарищи, ни для никого не секрет, что наша парикмахерская на сегодняшний день плана не выполняет. У нас сильно отстаёт обстригаемость...»), обриваемость («Хромает обриваемость...»), обмываемость («...головная обмываемость»), опрыскиваемость («...одеколонная опрыскиваемость...»), пулеметность («...Нюша отличалась пулеметностью речи...»), сминание («...Сниткина не

смогла убежать с дороги, а посему и понесла убытки на почве разбития, сминания и сплюснутия...»), сплюснутие («...Сниткина не смогла убежать с дороги, а посему и понесла убытки на почве разбития, сминания и сплюснутия...»), лозунгофикация (выступает в роли названия рассказа в произведении), лозунгочек («В кои веки встретишь лозунгочек вроде «А я ем повидло и джем»...»), лозунгофицирую («На службе ли, дома — первым долгом лозунгофицирую»), номеришко («Ну, и всякий норовит адресок, телефонный номеришко, фамильицу тут же...»), фамильица («Ну, и всякий норовит адресок, телефонный номеришко, фамильицу тут же...»), лозунгишко («...припечатываю лозунгишком: «Непотушающему свет в трудовой уборной места нет!»»), лозунгование («Но самое раздолье для лозунгования — это на кухне»), лозунгованный («Про это у меня лозунговано: «Одернут немедленно должен быть всякий, кто кусает прохожих посредством собаки!»»), вавилонство («Для-ради вавилонства...»), треугольненький («— Мне пуговиц...— Каких? — Ммм... и сама не знаю... к платью... каких-нибудь треугольненьких, беленьких...»), распахня («...дверь распахня держать!»), советик («Хотелось бы получить от вас советик»), заявочка («...маленькую заявочку на мою повесть...»), спасибенция («Спасибенция вам огромная»), хамнет

(сов.в. от хамить, «...быстро хамнет какому-нибудь лакею»), тефтелистка («Дежурная тефтелистка...»), изотопнутые («Мы вышли вместе с излеченными пациентами в постпроцедурник. Это — большая комната, где отдыхают после волнений изотопнутые индивидуумы»), агрегатик («Агрегатик, милый, не погуби!»), водчонка («А мы с тобой все-таки тяпнем сегодня водчонки!»), книженция («И еще вам хочу показать одну книженцию восемнадцатого, можете себе представить, века»), мокрость («Просьба после себя не оставлять мокрость пола...»), охвачивание («Плакат: «Сегодня начинается кампания по охвачиванию членством Красного Креста») отдыханец («Окрестное население называет дом отдыха «отдыхающий дом». А его обитателей — «отдыханцы»»).

Наиболее распространёнными суффиксами являются -ишк-, -ость, и -ниж-, которые остаются актуальными и в XXI веке. Эти суффиксы обеспечивают создание уменьшительно-ласкательных или ироничных форм, что характерно для разговорной речи и обладает определённой выразительностью. Суффиксация в контексте произведения Ардова служит не только для создания новых слов, но и для подчёркивания комического и иногда абсурдного оттенка, который присущ сатирическим произведениям писателя.

Сложение основ является ещё одним характерным способом образования новых слов, активно использовавшимся в творчестве Ардова. Это метод, при котором два или несколько элементов (основ) объединяются в одно слово. Примеры сложных лексем, образованных с помощью сложения основ, включают: человеко-единица («...на каждую моющуюся человеко-единицу до семнадцатого года приходилось по ноль целых ноль-ноль семь мочалко-часов и семь целых ноль три шайко-веников.»), мочалко-час («...на каждую моющуюся человеко-единицу до семнадцатого года приходилось по ноль целых ноль-ноль семь мочалко-часов и семь целых ноль три шайко-веников.»), шайко-веник («...на каждую моющуюся человеко-единицу до семнадцатого года приходилось по ноль целых ноль-ноль семь мочалко-часов и семь целых ноль три шайко-веников.»), кальсоно-носок («Пропадаемость белья в предбанниках составляла ноль запятая шесть кальсоно-носок на человека»), выступо-час («...предоставим право на двадцать выступо-часов в месяц»), человеко-час, человеко-минута («Очень жалко, конечно, что столько человеко-часов... то есть не часов еще, а — человеко-минут прошло впустую, но это уже ваша вина, товарищи.»), женщина-циклстка («Но поскольку у нас покуда еще не имеется мотоциклистов такого возраста и чтобы такого пола, то мы вас

пропустили, чтобы украсить нашу отчетность: очень через вас повышается возрастная цифра женщин-циклсток»), утюголет («Утюголет — летательный аппарат в форме востроносого фрегата, который, превышая скорость света, рассекает любой вид пространства»), мотобабка («Через это меня уже многие по городу знают, не только на нашей улице. И называют теперь меня исключительно так: мотобабка»), авиаочерк («Пишется авиаочерк примерно так...»), мозгофон, мыслеграф («К сожалению, еще не изобретен аппарат, который мы назвали бы «мозгофон» или «мыслеграф»»).

Одним из наиболее продуктивных способов создания окказионализмов в рассматриваемой парадигме является сложение основ, в результате которого формируются лексемы с высокой степенью семантической компрессии и иронической маркированности. Так, окказионализмы типа человеко-единица, мочалко-час, шайко-веник, кальсоно-носок, выступо-час, человеко-минута демонстрируют механизм композиции двух номинативных основ, одна из которых выполняет функцию количественно-временной или предметной характеристики. В частности, лексемы человеко-единица, человеко-час и человеко-минута формируют ироническую интерпретацию трудовой или временной единицы через гиперболизацию или редукцию человеческой сущности до

абстрактной меры. Лексемы типа женщина-циклистка, мотобабка, уютюлет сочетают в себе основания наименования субъекта и технического объекта, что формирует юмористический эффект за счет контраста между компонентами. В частности, женщина-циклистка усиливает избыточность обозначения за счёт повторного указания на гендер и профессию, что может интерпретироваться как элемент сатирической гиперкоррекции. Особое внимание следует уделить окказионализмам с участием международных элементов, таких как авиаочерк, мозгофон, мыслеграф. В данных примерах прослеживается не только сложение основ, но и активное использование элементов международной лексики, что отражает процесс интернационализации и одновременной стилизации под научно-технический жаргон. Так, авиаочерк сочетает авиационную тематику с публицистическим жанром, формируя неологизм с оттенком официозности или пародийной важности. В целом, анализ представленных окказионализмов свидетельствует о том, что сложение основ является не только продуктивным, но и семантически гибким способом словообразования, особенно в условиях сатирического контекста, где важны лаконичность, экспрессия и неожиданное смысловое сочетание. Формируемые лексемы обладают высокой прагматической

нагруженностью и служат эффективным средством авторской оценки, иронии и социального комментария.

Сложение основ с одновременной суффиксацией. Одним из наиболее сложных способов словообразования является сложение основ с одновременной суффиксацией. Этот метод позволяет создать лексемы, в которых сочетаются два или более корня с добавлением суффикса. Примеры таких окказионализмов: обессахаривание («Гуманнейшая операция по частичному, так сказать, обессахариванию...»), платьевладелица («...сдавала в химчистку платье средних лет женщина и сплошь и рядом впоследствии умирала от старости, а уже претензии предъявляла в этой книге ее внучка — то есть наследница усопшей платьевладелицы»), взаимообольстительные («После взаимообольстительных улыбок...»), ядротолкание («— Ну это... ядро... — выговаривая последние слова и сопровождая их жестом, имитирующим акт ядротолкания...»), быстроумный («Быстроумный Юрченко...»), трехколесие (о мотоцикле), шилохвостить («Если бы она шилохвостила, я бы ее убил!»), биточкоустойчивый («Нам нужна более биточкоустойчивая вилка»), постпроцедурник («Мы вышли вместе с излеченными пациентами в постпроцедурник»), наукоприключение, приключенонаука

(«С одной стороны, чисто научная беллетристика кажется читателям чрезмерно скучной. А с другой стороны, чисто приключенческие вещи представляются чрезмерно глупыми. Поэтому-то гибридный жанр наукоприключений или приключенонауки находит себе читателей и издателей»), гундосомер («Гундосомер — аппарат для определения разреженности атмосферы при дыхании в стратосфере и выше»), телетяпляп («Телетяпляп — аппарат для передачи депеш с Земли в космос»), шпионоуловительский, последнесловный («...колхозные девушки и парни, такие чуткие ко всему новому, передовому, последнесловному...»), муходром («Ребенок — лысому человеку: — Дядечка, у тебя не голова, а муходром.»), роликобежец («В галопе для роликобежцев тромбонист потерял ноты своей партии...»), краскотёр («— Зачем?! Никакая там не «фактура», а просто краска отвалилась. И щека зеленая потому, что желтая краска сама позеленела уже на полотне. Знаете, какое теперь качество красок? То же и с пальцами: их было десять, а пять пальцев возьми и потеки. Вот и вышла лишняя пятерня... Впрочем, за чужие грехи, так сказать, страдаю... — Ай-ай-ай!.. Вот и мы скажем: ай-ай-ай, товарищи химики и краскотеры!»), кинообмылок («И долго еще будут возить, потому что «списать» подобный кинообмылок кто-то не хочет, а кто-то боится; кто-то не имеет

права, а кто-то не считает нужным; еще не раз посмотрят фильм-калеку безответные зрители!..»).

Здесь следует отметить, что В. Ардов данными лексемами пародирует популярную в то время канцелярскую тенденцию образования лексем по данному словообразовательному типу. С той же целью он обыгрывает сложные названия предприятий и организаций, придумывая комически звучащие композиты: Облгорстройкройдрайсарай («Полгода тому назад я работал в городе Семипалатинске техником в тресте Облгорстройкройдрайсарай»), Облтютюпр («Значит, Корпачев уже в Облтютюпре?»), «Игро-петрушка» («Как же, есть тут такое учреждение — «Швейнитка». Только оно теперь изменило профиль и потому называется уже «Игро-петрушка.»), киностудия «Эхфильм», «Шлёпкрючок» («Степан Павлович, главный бухгалтер фабрики «Шлёпкрючок»»), Разноблямсоюз («Система Разноблямсоюз»), райнежилотдел («Тут надо получить две подписи: районного архитектора и заведующего райнежилотделом»), Главпивпаф («Главное управление пивной и парфюмерной промышленности»), «Хламсырье» («Потом в одном тресте служил — называется «Хламсырье»»), а также псевдонаучное название квантоамперошухер («Из нее-то и брызжут нейтропротоны прямо в носовую полость больного примерно с

быстротой двенадцать-восемнадцать тысяч квантоамперошухеров в секунду»).

Сложение основ с одновременной суффиксацией представляет собой один из продуктивных и формально осложнённых способов деривации, в процессе которого происходит объединение двух (или более) корней/основ с одновременным присоединением словообразовательного аффикса, чаще всего суффикса. В результате словообразования лексем данным способом они начинают обладать высокой степенью экспрессивности. Приведённые в тексте примеры (платьевладелица, взаимообольстительные, ядротолкание, наукоприключение, шпионоуловительский) демонстрирующие чистое двухосновное сложение с суффиксацией (напр., платьевладелица ← платье + владеть + суффикс -иц-), а также более комплексные модели, в которых наблюдается взаимодействие нескольких словообразовательных процессов доказывают вышесказанное. Особенно интересны случаи с элементами редупликации, звукоизобразительности и пародийной морфологической трансформации (напр., телетяпляп, гундосомер, краскотёр). В. Ардов, используя потенциал указанной модели, создаёт лексемы-композиции с ярко выраженной оценочной и пародийной функцией. Этот приём направлен на

критику избыточной формализации речи, канцелярита и лексической стереотипизации. Элементы гиперболизации (последнесловный), преднамеренного удлинения (Облгорстройкройдрайсарай, Разноблямсоюз, Главпивпаф) и псевдонаучности (квантоамперошухер) служат средством языковой игры и демонстрируют высокую продуктивность и в то же время пародийную условность рассматриваемой модели. Посредством анализа материала выявляется использование сложения основ с одновременной суффиксацией как универсального инструмента речевой и языковой игры, обладающего широким потенциалом как в нормативной, так и в окказиональной плоскости функционирования. При этом роль суффиксации, как системного компонента, заключается не только в выполнении деривационной функции, но и в обеспечении морфологической завершенности окказионализма, что особенно важно в условиях экспрессивного или пародийного употребления.

Префиксально-суффиксальный способ словообразования используется у Ардова реже, чем другие методы. Тем не менее, он играет важную роль в создании лексем, которые характеризуют определённые действия или состояния. Примеры: перекаандатить («Надеемся скоро вас всех перекаандатить, между прочим... Вот вам ваши книжки, а моя

диссертация останется при мне»), запузыривать («Птички уже запузыривают...»), отшпинделяемся (Теперь у нас на каждый шпindelъ уходит десять часов работы, а если сделать по-моему, за пять часов отшпинделяемся полностью!), расшпинделить («Новаторов: Да как же... ведь я же ж... я расшпинделить хотел узкое место на производстве... Директор: Без тебя расшпинделим»), опрохвоститься («Был хороший человек, а потом опрохвостился!»), подуайльдник («Он был эстет и больше всего почитал Оскара Уайльда. Являлся, так сказать, подуайльдником, как были когда-то подкулачники»), приженер («— Ну, хорошо, она-то — знатный человек. Женщина выдающаяся. А муж у нее чем занимается? — А ничем. Так — приженер... При своей жене, то есть...»).

В представленных окказиональных образованиях В. Ардова обнаруживается реализация приставочно-суффиксального способа словообразования, который, несмотря на свою продуктивность в русском языке в целом, в рамках художественного и сатирико-комического творчества Ардова оказывается второстепенным по частотности в сравнении с суффиксацией и сложением основ. Приставочно-суффиксальная деривация в таких примерах, как отшпинделяемся, расшпинделить, опрохвоститься, подуайльдник,

приженер служит инструментом семантической деформации и стилистической трансформации исходной лексики, способной одновременно сохранять отсылку к прототипу и вносить иронический или сатирический оттенок. Конструкция опрохвоститься моделирует семантико-прагматический сдвиг, где из существительного прохвост при помощи префиксов о-, про-, суффикса инфинитива и возвратного глагольного суффикса образуется форма, обозначающая превращение в носителя отрицательного социального качества. Подобные лексемы демонстрируют динамичность перехода от субстантивной основы к процессуальному значению, что особенно характерно для разговорно-сниженного регистра. Лексема приженер формируется путём наложения приставки при- на основу жена с последующим суффиксальным оформлением (-ер), что создаёт пародийную модель на профессиональную номинацию (инженер, пенсионер) и придаёт слову налёт бытовой сатиры и гендерной иронии. Несмотря на то, что приставочно-суффиксальный способ образования окказионализмов у В. Ардова количественно представлен менее обильно, по своей семантико-стилистической нагрузке он играет важную роль в создании иронического эффекта, пародийной трансформации социального и культурного опыта, а также в переосмыслении устойчивых

языковых моделей, характерных для советского идеологического поля.

Префиксация наименее популярна у Ардова, в данном источнике найдено лишь 2 лексемы, образованные данным способом распрохозяйственник («Мой Корявин, хотя он там распрохозяйственник и ответственный-преответственный, — он еще ни разу не отказал мне поехать куда-нибудь там в магазин или в театр»), наженить (Все равно я его на себе наженю!). В представленных примерах окказиональной лексики, созданной В. Ардовым, фиксируется крайне ограниченное применение префиксального способа словообразования, что позволяет говорить о его второстепенной роли в системе индивидуально-авторской деривации. Анализ выявленных лексем — распрохозяйственник и наженить — позволяет, тем не менее, проследить характерные особенности реализации данного способа. Лексема наженить образована посредством продуктивной префиксации (на-) от глагольной основы женить. Однако в данном случае значение производного глагола приобретает переосмысленное, иронически-гиперболизированное звучание, выходя за рамки стандартной лексической парадигмы. Потенциальное значение может быть интерпретировано как «заставить жениться» или даже «женить принудительно и неоднократно», что подчёркивает комическую направленность деривации. Следует

отметить, что ограниченность использования префиксации у В. Ардова, вероятно, обусловлена недостаточной выразительной ёмкостью этого способа.

Встречается также единичный случай образования формы единственного числа у слова, употребляющегося только во множественном числе: каждую кудрю.

На основании проведённого анализа окказиональной лексики, представленной в книге В. Ардова «Цветочки, ягодки и пр.», было выявлено, что наиболее продуктивным способом словообразования в корпусе исследованных окказионализмов является суффиксация, отличающаяся как морфологическим разнообразием, так и функциональной гибкостью. Частотное использование суффиксов с экспрессивной и уменьшительно-ласкательной семантикой свидетельствует о стремлении автора к насыщению текста индивидуально-оценочной лексикой с ярко выраженной стилистической маркированностью. Способ словообразования посредством сложения основ, а также сложения основ с одновременной суффиксацией демонстрируют высокий потенциал для создания комических и пародийных лексем, имитирующих официально-деловой стиль. Подобные модели активно используются автором для критики языковых штампов и речевых клише эпохи. Приставочно-суффиксальный и, особенно,

префиксальный способы продуктивностью не отличаются, что, по-видимому, обусловлено их меньшим экспрессивным потенциалом в сравнении с другими словообразовательными моделями. Однако даже единичные случаи таких дериваций демонстрируют яркую семантико-стилистическую нагрузку и отражают авторскую установку на сатирическую интерпретацию языковой нормы. Особый интерес представляет морфологическая транспозиция, выраженная в единичном употреблении формы единственного числа кудря у существительного кудри, употребляющегося только во множественном числе, что указывает на сознательное нарушение грамматической нормы с целью достижения экспрессивного эффекта.

В деривационной практике В. Ардова демонстрируется разнообразие способов словообразования с доминированием продуктивных и экспрессивно насыщенных моделей, ориентированных на реализацию художественно-сатирических задач. Процесс формирования новых слов в русском языке в XX веке стал результатом взаимодействия множества деривационных механизмов, каждый из которых олицетворяет определённые социальные и культурные трансформации. В творчестве Виктора Ардова особенно ярко проявляются эти процессы через использование окказионализмов, которые позволяют не только анализировать механизмы словообразования, но и углубиться в социальные и культурные особенности эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ардов В.Е. Цветочки, ягодки и пр.. М., Издательский дом «Советский писатель», 1972, 479 стр.